

Прагматика функционирования культурных практик. Елена Попович

Прагматика функционирования культурных практик

Попович Елена Викторовна

кандидат педагогических наук, доцент кафедры философских наук Приазовского государственного технического университета

(г. Мариуполь, Украина)

Обобщение методологическо-теоретических позиций, представленных отечественными философскими и культуроведческими студиями, вызывает научную заинтересованность ученых относительно определения природы функциональных принципов культуры.

Среди многочисленных классификаций функций культуры примем во внимание именно те, которые демонстрируют полифункциональность культурных форм. По нашему мнению, это явление объясняется несколькими факторами. В первую очередь следует отметить фактор культурного континуума. Культура является тотальной реальностью. Культурными формами охватываются все проявления человеческой жизни от обиходности до метафизического вдохновения. Поскольку каждая культурная форма является синтетической и полифункциональной, то и любая классификация функций культуры является умозрительной.

Во-вторых, науки о культуре являются полидисциплинарной плоскостью познавательной деятельности. Они характеризуются наличием как множественности вопросов онтологического, так и проблем эпистемологического плана. Примером является амбивалентность в понимании функций. Одна парадигма научного понимания основывается на толковании функций культуры, учитывая вопрос, в чем именно заключается социальная роль культуры? Отмеченную парадигму мы определили бы как аксиологическую. Это можно объяснить тем, что вопрос о социальной роли культуры предусматривает наличие ценностного значения культурных феноменов и явлений. Несколько противоположным является парадигмальное видение, предопределенное представлением о том, что объектом наук о культуре являются процессуальность, динамизм культурных процессов. Соответствующее видение определяется как эвристическое понимание сущности культурных форм, являющиеся производным выражением их значения. Следовательно, культура в данном случае должна пониматься не только и не только как то, что наделено определенным весом и ценностью, но и как способ, благодаря которому человек способен проявить свою заинтересованность в самоусовершенствовании и саморазвитии, а также быть увлеченным этим процессом.

В-третьих, прикладное значение наук о культуре предусматривает возможность выявления общей динамики культурных процессов. Вероятно, это предопределяется неустойчивостью культурных форм. Они всегда находятся в трансформации и трансфигурации. Поэтому, исследуя тот или иной феномен культурного бытия, культурные явления, процессы, происходящие в культуре, следует учитывать их изменчивость. Однако последнюю не стоит считать проявлением релятивности. Если высказываться языком метафор, то как физическая вселенная является стойкой динамической системой, которая стремится к равновесию, так, в свою очередь, и культурная вселенная является сбалансированной, гармонической системой, которая стремится в своей протяженности к переменному постоянству.

Следовательно, принимая во внимание факторы определения полифункциональности культурных форм и эпистемологические последствия их влияния, считаем необходимым ввести в культуроведческую рефлексию концепцию единства культурных форм на онтогенетическом и филогенетическом уровнях. Ее эвристическая ценность базируется на положениях, которые определяют средства конкретизации особенностей системного взаимодействия функций культуры; объясняют сущность усвоенных личностью активных форм жизнедеятельности; способствуют

обновлению дискурса наук о культуре новыми категориями – «культурные практики» и функция компенсационного «креатора».

Предложенное видение учитывает особенности амбивалентной оценки функций культуры. Предусматривается, что учет континуальной динамики культурных феноменов и явлений позволит внедрить новое парадигмальное видение, которое терминологически определяется как «социопрагматика функций культуротворчества». Следовательно, позитивное толкование полифункциональности культурных форм свидетельствует о том, что расхождения во взглядах современных ученых относительно понимания проблемного поля функционального анализа культуры (Г.В. Драч, Э.С. Маркарян, А.А. Оганов, Д.А. Силичев, Е.В. Соколов, Я.Я. Черненко) стоит отмежевать от неоднозначной трактовки системных особенностей культуротворческих процессов.

Отдельно нужно отметить выявление социопрагматичной составляющей: учебной и образовательной, релаксационной и регулятивной, адаптационной и компенсационной, ценностной и познавательной функций культуры. Культуротворческий процесс предусматривает изменяемость аксиологического измерения культурных форм. Так, учебная и образовательная функции являются средством превращения способностей индивида в свойства личности. Творчество является естественной потребностью в самоусовершенствовании, самореализации, саморазвитии индивида. Следовательно, и творческая деятельность превращается в так называемый образ жизни, при котором эстетические переживания имеют такое же ценностное значение, как и рационально дискурсивные формы постижения действительности. Таким образом, мы видим, что социопрагматическая составляющая является ячейкой взаимодействия функций культуры в процессе культуротворчества, где происходит снятие контроверсии творческой инновации и научного постижения, способности к самоусовершенствованию (самоусовершенствование, самореализация, саморазвитие) и перевоплощению, изменениям. Полифункциональность культуротворческого процесса дает возможность наблюдать за феноменом адаптации креатора индивида к социальной среде. Адаптация креатора является актом, противоположным биопсихофизическому приспособлению индивида к социально-культурной среде в процессе социализации. Адаптация креатора представляет форму самопознания, превращающую знание в средство самоусовершенствования и развития личности, превращение культурных ценностей и норм в свойства индивида, которые он использует в перестройке своей собственной жизни. Механизмы адаптации креатора воплощаются в социопрагматической составляющей культурных практик.

Отметим, что дифференциальные практики культуры отображают не только роль и значимость культуры, но и определяют онтологическую значимость ее структурной динамики. Таким образом, следует отметить, что на онтогенетическом уровне функции культуры должны рассматриваться дифференциально. Мы разделяем теоретические подходы, согласно которым дифференциация практик культуры определяется их монофункциональной и полифункциональной характеристиками.

Следовательно, предложенная социопрагматическая концепция функционирования культурных практик развивает и дополняет парадигмально-проективную модель культуротворчества. Отметим составляющие данной модели. Она базируется на разграничении монофункциональности и полифункциональности культурных форм; определении культурных практик через их разграничение с культурным опытом, который дополняет теорию отличия культурного процесса и культурного события (А. Я. Флиер), являющееся производной и в определении теории культуротворческого бытия (В. А. Федь). Эпистемологические измерения предлагаемой модели определяют последовательное применение системного подхода к таким культурным формам, которые отображают культурную инклюзию личности, то есть процесс включения индивида в культуротворчество. Представленная в исследовании модель использует материалы, связанные с жизнью личностей, в детстве переживших драму отдаления-приближения на пути к становлению собственного «Я» в культурном бытии.

Монофункциональность культуры отображена и обстоятельно отражена в теории доминант трансляции социального опыта (Э. С. Маркарян). Ученый вводит аналогию адаптации и понятия «стратегия жизни». Отмеченная аналогия показывает и энтропийность, и самоусовершенствование индивида [1, 13]. Соответственно, разными по содержанию воспринимаются и основные, и специфические функциональные практики культуры. При этом важнейшей доминантой адаптации становится ее человекотворческое значение как адаптивной функции, которая воплощает интегративное измерение культуры. Отметим, что, на наш взгляд, монофункциональность культуры является интерпретативным значением, которое воплощает конвенциональную природу культурных форм. Особенностью такого подхода является постепенная редукция культурного разнообразия к действию нормативно-регулятивной функции культуры.

Полифункциональность является предметом дидактического и теоретического в проработке многих отечественных культурологов. В знаковом труде Д. А. Силичева «Культурология» (2001) автор отмечает своеобразие и относительную самостоятельность жизненноважных функций. Авторский тезис отстаивает положение относительно особенной роли феномена компенсации в формировании взаимосвязи существования человека и существования общества. Социопрагматика

полифункциональности отмечает феномен комплексно-функциональных значений культуры, а именно: познавательная, информационная, нормативная (регулятивная), коммуникативная, аксиологическая, творческая, компенсаторная функции культуры [2, 12]. Разделяя авторское определение феномена компенсации, мы считаем нужным углубить тезис следующими положениями.

Полифункциональность творчества выражается действием компенсационных механизмов как ретрансляция культурного опыта практик, так и критически творческой самореализации личности в сообществе. Отстаивая концепцию полифункциональности, Я. Я. Черненко в своем теоретическом дидактическом труде «Культурология: теоретико-практический курс» (2007) выделяет девять функциональных значений культурного опыта: общественно-превращающее, этноформирующее, этнозащищающее, ориентационно-регулятивное, познавательное, аксиологическое, семиотическое (символическое), коммуникативное, интегративное.

Комплексное значение полифункциональности (О. И. Власенко, Ю. П. Зайончковский) обозначают категорией человекотворчества [3, 7]. Оригинальную теорию полифункциональности культуры предлагает А. Я. Флиер. По мнению российского теоретика культуры, комплексное значение полифункциональности выражает культурный праксис. Культурный праксис построен по определенной иерархии социально-интегративной, организационно-регулятивно-нормативной, познавательно-коммуникативной, рекреационной, оценочной деятельности индивидов и групп.

Духовное производство как основа культурных практик отображено в концептуальном теоретико-дидактическом труде Б. С. Ерасова «Социальная культурология» (2000). Обосновывая концепцию полифункциональности культурных практик, автор отмечает своеобразие и относительную самостоятельность совокупности функций культуры. Основанием для конкретного функционального деления культуры выступает духовное производство, которое определяется как производство «новых норм, ценностей, значений и знаний и духовное творчество» [4, 27].

Определенный этап в анализе социопрагматической составляющей полифункциональности культурных практик связан с концептуальным пространством исследований М. М. Бахтина, Е. Иейлера, Дж. Кларка, К. Коттака, А. Кребера, Л. Уайта, Е. Хобеля и др. Следует обратиться к трудам, которые, описывая социопрагматическую составляющую полифункциональности культурных практик, искусство, религию, массовую культуру, науку, отображают поиски наиболее существенного и социально действенного начала интегративных механизмов культуры. Следует отметить, что в работах названных авторов уточняется характер диалектической взаимосвязи разнообразных аспектов ее социального «влияния» на жизнедеятельность человека (как взрослого, так и ребенка).

Среди основы исследования культуры как целого важно отметить эксплицитное и имплицитное распространение принципов полифункциональности культуры на практики культуры, а именно: искусство, науку, предпринимательскую деятельность. Можно выделить также те труды, которые позволяют определить духовное содержание творчества, инновационности, новаторства культурных практик. Например, институционную теорию взаимодействия искусства и общества О. А. Кривцуна. За основу ученый берет во внимание взаимодействие искусства и общества, рассматривая последнее сквозь призму действия социальных институтов [5, 215].

Социопрагматическое содержание искусства представлено в научной работе Ю. Б. Борева. Особенностью авторской позиции является переход от интегративного к полифункциональному видению специфики искусствоведческой деятельности, среди которых заметное место принадлежит и компенсации. Оригинальным является толкование исследователем ее сущности: «искусство как успокоение – особенная самостоятельная форма гедонистической функции» [6, 235]. В целом, в истории эстетической мысли известные ученые интерпретировали искусство как явление, которое выполняет именно «успокоительную» компенсационную функцию. Например, французский эстетик М. Дюфренн считал, что искусство призвано иллюзорно возобновить гармонию в сфере духа, потерянную в реальной жизни. Подтверждает эту мысль и его соотечественник Э. Морен в работе «Дух времени» (1962), отмечая: воспринимая художественные произведения, люди снимают внутреннее напряжение, порожденное бытовой средой, компенсируя таким способом монотонность повседневности.

Относительно позиции Ю. Б. Борева, подчеркнем, что компенсационная функция в искусстве, как считает исследователь, имеет три признака [7, 121]: 1) отвлекающий (гедонистически-игровой и гедонистически-развлекательный); 2) успокоительный; 3) собственно компенсационный (влияет на духовную гармонию человека). Еще один показательный аспект его концепции: компенсация способна гармонизировать мироотношения. Ю. Б. Боров выдвигает ряд теоретических аргументов, которые становятся толчком для авторских выводов и обобщений. Да, исследователь считает, что «функции искусства исторически динамические: в античности трагическое «очищает» человека (превращающая функция); в Средние века трагическое не очищает, а успокаивает (формула: «люди, лучше тебя, страдают больше») [6, 236]. Этот вывод Ю. Б. Борева был развит и

транспонирован в плоскость тех моделей функций, где компенсация выделяется в самостоятельную сферу и номинируется как особенная форма гедонистической функции искусства.

Таким образом, в интерпретациях социопрагматической составляющей полифункциональности культурных практик презентованы два основных подхода: первый определяет интегративное значение культурных практик, второй – ее системные особенности в контексте культуротворческих процессов в современных обществах.

Постановка и изучение проблематики социопрагматической составляющей в контексте полифункциональности практик культуры в отечественной философии и науке начинается из искусствоведческих, исторических исследований. Однако обобщение и анализ теоретических достижений отечественных ученых должно осуществляться и уже происходит на теоретических принципах наук о культуре, внедряющих ее целостное видение. Такое видение является синтезом универсального и особенного в культуре как целом. Эвристический и аксиологический потенциал культуры в целом и украинской в частности позволяет реализовать идею самодостаточного значения личности, которое воплощается через культурные практики саморазвития и самоусовершенствования, а также реализует потенциал духовных практик национальной и этнической традиций в контексте актуальных проблем культуротворческого бытия. Как свидетельствует теоретик отечественной эстетичной мысли Л. Т. Левчук, «сама ценность личности – существенная сторона ее глубокой социализации, фактор ее творческой активности» [8, 236].

Следовательно, сопоставление разных функциональных моделей социопрагматической составляющей культуры позволяет не только обнаружить их ролевую многогранность, но и выяснить наличие определенных субординационных связей как в сложной ограниченной полифункциональной системе, так и в моносистеме [9, 36]. В то же время в последующем осмыслении нуждается динамический характер функций, их историческое перераспределение и видоизменение. Ведь разграничение сфер функционирования культуры не дает представления о конкретно исторической дифференциации функционального значения культурных практик, а также о становлении новых практик, включая значение компенсационного креатора социокультурной прагматики.

Что же касается нашего анализа, принципиальное значение приобретает проблема культурно-эстетического опыта. Поскольку выявление полифункциональности культурных практик саморазвития и самоусовершенствования, «практики заботы» (франц. *cura sui* – греч. *ἐπιμέλεια*) (М. Фуко), образования происходит в эмотивном содержании человеческих переживаний, сопоставления «функции», с «назначением культуры» или, как отмечается в культуроведческом дискурсе – «культурным смыслом», позволяет сделать вывод относительно полифункциональности культурных практик [10]. Таким образом, можно сделать вывод, что культуру следует понимать как парадоксальное самоопределение человека, единство уникального и всеобщего, индивидуального и личностного, креатора и воспроизведенного. Человек в своем самоопределении проходит сложные связи, а также осваивает ценности, однако артефакты человеческой жизни свидетельствуют об уникальной неповторимости личностных переживаний.

Общепризнанным является тот факт, что доминантными в философских и культуроведческих студиях являются не только функциональный, институционный, но и системный подходы к анализу культуры как целому.

Наше исследование доказывает, что фундаментальное значение в функционировании культурных практик приобретает креативность, поскольку следствиями ее действия является превращение и освоение мира. Компенсационно-креативная функция является выражением взаимосвязи индивидуально-творческого и социально-культурного начал социальных практик самоопределения и самоусовершенствования. В ее действии отображается целенаправленность сознательного действия индивида, с одной стороны, и ее результаты (творение артефактов) и последствия (трансформация мира) – с другой. Функциональные отношения механизмов компенсации и креативности отмечают смысл и просторную модуляцию культурного существования за счет творения новых объектов культуры, которые расширяют сферу воплощения чувственных, интеллектуальных сил человека.

Таким образом, массовость культурных явлений и феноменов является имплицитным параметром действия функции компенсационного креатора. Поскольку ее эвристическая ценность охватывает не регулятивный и нормотворческий пласт культуры, а баланс между выражением потребностей и формой их удовлетворения. По авторскому определению, компенсационно-креативная функция культуры, учитывая целеустремленный характер социальных систем, является выражением трансгрессии-перелива индивидуально-творческого начала в пространство культурных феноменов и явлений, которые охватывают не только осуществимое, но и потерянное, неприступное, недостижимое, определением баланса между выражением потребностей и формой их удовлетворения.

Литература

1. Маркарян, Э. С. О генезисе человеческой деятельности и культуры / Э. С. Маркарян. – Ереван : АН Арм. ССРС, 1983. – 146 с.
2. Силичев, Д.А. Социальные последствия перехода от индустриализма и модерна к постиндустриализму и постмодерну / Д.А. Силичев // Вопросы философии. – 2005. – № 7. – С. 3–20.
3. Власенко, О. І. Культурологія : підручник / О. І. Власенко, Ю. П. Зайончковський. – К. : Либідь, 2002. – 414 с.
4. Ерасов, Б.С. Социальная культурология / Б.С. Ерасов. – М. : Академия, 1994. – 354 с.
5. Кривцун, О. А. Эстетика / О. А. Кривцун. – 2-е изд., доп. – М. : Аспект Пресс, 2003. – 447 с.
6. Боров, Ю. Б. Эстетика: Отношение к действительности; Творчество; Произведения; Природа и виды искусства; Художественный процесс; Обращение с искусством / Ю. Б. Боров. – М. : Аст, 2005. – 829 с.
7. Большой психологический словарь / сост. и общ. ред. Б. Г. Мещеряков, В. П. Зинченко, – СПб. : Прайм-ЕВРОЗНАК, 2003. – 672 с.
8. Левчук, Л. Т. Історія світової культури / Л. Т. Левчук, В. С. Грищенко, В. В. Єфіменко. – К. : Либідь, 2000. – 437 с.
9. Каган, М. С. Социальные функции искусства / М. С. Каган. – Л. : Знание, 1978. – 36 с.
10. Фуко, М. История безумия в классическую эпоху / М. Фуко – Санкт-Петербург, 1997. – 576 с. – (Книга света).